

Астрид Линдгрен

Расмус, Понтус и Растяпа

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8588754

Расмус, Понтус и Растяпа: Повесть: Махаон, Азбука-Амтикус; Москва; 2014

ISBN 978-5-389-08753-8

Аннотация

Что может быть спокойнее и скучнее, чем жизнь в маленьком шведском городке? Одиннадцатилетние Расмус и Понтус не упускают ни одной возможности её разнообразить, будь то поход на ярмарку или ночное похищение «Формуляра ненужных вещей». Они были бы не прочь поколесить по миру – вот хотя бы в таком уютном зелёном вагончике, как у всемирно известного шпагоглотателя Альфредо... Но оказывается, необязательно уезжать из Вестанвика, чтобы встретиться с настоящими приключениями!

Содержание

Глава первая	8
Глава вторая	19
Глава третья	28
Глава четвёртая	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Астрид Линдгрэн

Astrid Lindgren

RASMUS, PONTUS OCH TOKER

1957

First published by Rabén & Sjögren Bokförlag

Stockholm

© Тиновицкая Е. К., перевод на русский язык, 2014

© Соколов Г. В., иллюстрации, 2014

© Оформление, издание на русском языке. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2014

Machaon®

* * *

Главный герой этой книги – одиннадцатилетний мальчуган по имени Расмус Персон, а вовсе не девятилетний Расмус Оскарсон или четырёхлетний Расмус Расмуссон, как можно было бы предположить. Если хотите поближе познакомиться с Расмусом Оскарсоном, почитайте повесть «Расмус-бродяга», а хотите побольше узнать о Расмусе Расмуссоне – возьмите книжку «Калле Блюмквист и Расмус». У всех трёх Расмусов нет ничего общего, кроме имени, – ну, да ведь это одно из самых распространённых шведских имён.

Автор

Глава первая

* * *

За последней партой у окна сидел вихрастый голубоглазый мальчуган. Его звали Расмус, Расмус Персон. Ему было одиннадцать лет, и он был единственным сыном полицейского Патрика Персона в Вестанвике. «Уж как моего Расмуса любят учителя!» – говорил всякий раз папа, когда ему удавалось найти внимательного слушателя. Но господин Фрёберг, учитель математики, верно, никогда не был внимательным слушателем. А то разве обратился бы он подобным образом к мальчику, которого любят все учителя первого класса¹ старой школы Вестанвика? А было это солнечным майским днём на уроке арифметики.

– Дорогой мой негодяй! Да, именно ты, Расмус Персон! – Расмус поднялся со скамейки и виновато посмотрел на учителя. – Почему ты бросил ластик в Стига? Ты считаешь, именно этим следует заниматься на уроке?

Расмус мог бы ответить, что Стиг тоже тыкал его линейкой прямо на уроке, так что и сдачи получить должен был во время урока – а когда же ещё? – но промолчал. Стиг удачно воспользовался моментом, пока господин учитель стоял у доски спиной к классу, и сейчас сидел на своей скамейке, изображая кроткого и прилежного ученика.

– Ну? – сказал господин Фрёберг. – Я жду ответа. Почему ты бросил в Стига ластиком? Должно же этому быть хоть какое-то объяснение?

– У меня под рукой ничего другого не оказалось, – пробормотал Расмус. – Не мог же я бросить в него чернильницей...

Господин Фрёберг задумчиво кивнул:

– В самом деле? Надеюсь, что не мой скромный урок арифметики тебе помешал? О, впредь не стесняйся, и, если у тебя возникнет такое желание, можешь бросать чернильницы хоть во все стороны...

– Хорошо, господин учитель, но боюсь, что чернильница мне понадобится на следующем уроке, когда у нас будет правописание.

¹ Не удивляйся, что Расмус в одиннадцать лет ходит в первый класс. Это первый класс промежуточной школы, и поступить в него мог только тот, кто уже умел хорошо считать, читать и писать, – до этого Расмус учился три или четыре года в народной школе. Так было устроено школьное образование в Швеции в те времена. (Прим. пер.)

Господин Фрёберг был любимым учителем Расмуса, но когда иронизировал, становился невыносим. В такой ситуации сложно было понять, как себя вести – то ли шутить в ответ, то ли молча сносить всё, что он скажет.

– А ведь верно! Тогда, пожалуй, тебе стоит отдохнуть в коридоре, а то не останется сил бросаться в товарищей подвернувшимися под руку предметами. А математикой позанимаешься как-нибудь в другой раз.

Расмус послушно направился к двери, это ему было не впервой. Учителя имели странную привычку время от времени выставлять с урока своего любимого ученика.

Понтус ободрительно подмигнул Расмусу, когда тот проходил мимо его скамьи, и Расмус подмигнул в ответ. Понтус был другом и верным спутником в горе и в радости. Он гораздо охотнее последовал бы сейчас за Расмусом в изгнание – это ясно читалось по его лицу. Но господин Фрёберг считал, что в коридоре у Расмуса будет время подумать о своём поведении и что в таких случаях человеку лучше побыть одному.

Расмусу было невдомёк, почему учителя так любят, чтобы ученики задумывались над своим поведением. Можно ведь провести время гораздо веселее! К тому же думать Расмусу Персону было совершенно не о чем. Но, если уж господину Фрёбергу очень хочется, ради него Расмус согласен и на это.

В коридоре было пусто и тихо, только из классных комнат доносился слабый гул. Расмус забрался на подоконник, где сидел всегда, когда его выгоняли, и где не одно поколение мальчишек не одну эпоху раскаивалось в своих грехах. Он искренне пытался думать о своём поведении, но это оказалось ужасно скучно. После того как он всё же осознал, что слабо знает арифметику, и что нельзя бросать вещи в людей, и что было бы, брось он в Стига чернильницу, мысли его потекли в другом русле. Подумать только, если этот гул, доносящийся из классных комнат, поймать в усилитель, а потом подать в такой специальный разделитель, чтобы он распался на кусочки, тогда – опля! – оттуда посыплются немецкие предлоги, и рисунки коренных зубов, и притоки с уроков географии! Наверное, и в самом деле можно изобрести точный и умный аппарат, собрать в него всю эту всячину, которую так любят учителя, приделать насос и каждое утро накачивать в голову столько знаний, сколько нужно – а потом гуляй себе до самого вечера?

Расмус бросил взгляд в окно, туда, где за стенами школы царил май и свобода. Над городом светило солнце, а в мае, когда цветёт сирень, красиво становится даже в Вестанвике. Всё заполнено сиренью, куда ни пойдешь, кисти сирени свисают отовсюду, а ещё цветут каштаны, и над садами всего города плывут облака розового и белого яблоневого цвета, скрывая неказистые домики, точно кусочки пирога под взбитыми сливками. Даже полицейский участок, который Расмус видел из окна, уютно зарос расцветающей жимолостью и совсем не нагонял страха, как положено полицейскому участку. Если бы у Расмуса был бинокль, он, наверное, даже разглядел бы внутри будки отца – а впрочем, таких сильных биноклей не бывает. И слава богу, потому что иначе отец наверняка завёл бы себе такой, а как раз сегодня Расмусу хотелось держаться от его глаз подальше.

Он поглядел за окно. Попастъ бы сейчас туда! В городе сегодня весенняя ярмарка, на улицах толпы народу... И что за наказание – сидеть в школе, когда вокруг столько всего, и можно столько успеть, оказавшись на свободе! А тут ещё с площади послышалась вдруг музыка. От трубных звуков духового оркестра солнечное сияние стало ещё ярче, а небо – синей и радостней. Ребяшня внизу тотчас помчалась к площади, точно стадо телят, убега-

ющее от пчелиного роя. И правда, в народной-то школе выходной. Расмус скривился от досады. Остаться бы в народной школе и не дать соблазнить себя средней – да теперь уже слишком поздно. Он вдруг почувствовал, как всей душой ненавидит учебные заведения «высшего порядка» и здешних учителей. Это надзиратели, мешающие людям радоваться жизни!

И всё же Расмус был несправедлив. Среди учителей тоже попадались хорошие люди. Добросердечный пожилой директор школы Вестанвика, без сомнения, заметил, что в городе ярмарка и светит солнце. И поэтому ему пришла в голову совершенно чудесная идея. Как раз когда Расмус сидел на окне и злился на всю учительскую братию, директор уже отправил во все классы гонца с маленьким листочком бумаги, на котором знакомым размашистым почерком были написаны абсолютно необыкновенные слова: «В связи с хорошей погодой два последних урока отменяются!»

К первоклашкам с этим известием пришла – кто бы вы думали?! – сестра Расмуса, шестнадцатилетняя старшеклассница. Она быстро шла по коридору, за плечами у неё развевались светлые волосы, собранные в хвост. Расмус надеялся, что это лишь видение, что ему просто показалось. Уж кого-кого, а старшую сестру ему сейчас хотелось видеть меньше всего! Но это была самая настоящая Приккен, и она уже заметила фигурку в джинсах и клетчатой рубашке, с непринуждённым видом устроившуюся в оконной нише, и даже успела сообразить, что это не кто иной, как её ненаглядный младший брат, с которым они так любили друг друга, что не поссориться им редко когда удавалось.

– Ты чего не в классе? – строго спросила Приккен.

– Вышел побриться, а ты?

Приккен бросила на брата уничижительный взгляд.

– Не валяй дурака! Что ты здесь делаешь?

– Сажу и думаю. Мне так велел господин учитель.

Приккен слегка растерялась.

– Очень интересно. И о чём же ты думаешь, позволь спросить?

– Не твоё дело. Уж точно не о Юакиме, которым у некоторых голова забита с утра до вечера.

Приккен фыркнула и исчезла в комнате первоклашек.

Через мгновение до Расмуса донёсся мощный вой, вопль ликования – и в тот же миг зазвонил школьный звонок. Гул нарастал, и из классных комнат высыпали орды мальчишек. Они протискивались к выходу, к свободе, как потерпевшие кораблекрушение к спасательным шлюпкам, точно речь шла о последних секундах жизни. Только Расмус не сдвинулся с места, так и стоял в нерешительности, пока из класса не вышел господин Фрёберг.

Увидев грешника с покаянной миной, он остановился и взял Расмуса за ухо.

– Ну? – хмыкнул он.

Расмус ничего не ответил, но учитель прочитал по его глазам, сколь велико желание мальчишки вырваться на волю. Он был мудрым человеком, а потому мягко улыбнулся и сказал:

– Свободу пленникам. Да здравствует весна!

И вот теперь они стояли на улице: два освобождённых пленника в благословенном сиянии весны.

– Орёл или решка? – спросил Расмус и повертел пятиэровой монеткой перед носом у Понтуса. – Если орёл, идём на Вшивую горку, если решка, тоже идём на Горку, а если станет на ребро, возвращаемся домой и учим уроки.

Понтус одобительно хихикнул:

– Это по-честному. Будем надеяться, что станет на ребро! Мы ведь только и мечтаем пойти учить уроки.

Расмус подбросил монетку в воздух, и она со звоном упала на тротуар. Он ухмыльнулся и наклонился, чтобы подобрать её.

– Нет, не на ребро. Так что, увы, никаких уроков!

Понтус снова хихикнул.

– От судьбы не убежишь, – сказал он. – Да здравствует Вшивая горка!

На Вшивой горке находилась самая старая рыночная площадь в городе, там веками собирались на весенние ярмарки конокрады и торговцы скотом. Туда приходили бродячие циркачи, там показывали всяких зверей, там же был и парк с аттракционами – словом, на Вшивой горке происходило всё самое интересное, что только могло происходить в тихом Вестанвике. Ветер приключений реял над площадью, и, казалось, в воздухе до сих пор носятся забытые запахи конского навоза да отзвуки старой шарманки. Это место хранило воспоминания о бродячей жизни и страшных драках, случавшихся здесь в давние времена. Теперь-то всё было гораздо спокойнее. Крестьяне из окрестных деревень стекались на ярмарку, как всегда, навеселе, но нынче лишь торговали молочными поросятами да меняли коров. Конокрады с рынка исчезли, потому что и коней уже давно никто не продавал. Зато

временами приходили цыгане с тощими кобылами и заставляли их бегать до седьмого пота на потеху публике. Как бы там ни было, рынок жил своей жизнью и процветал, карусели вертелись, в тире хлопали выстрелы, а в вагончиках, окружавших площадь, жили таинственные иноземцы, говорившие на неизвестных языках. И для всех детей Вестанвика ярмарка была ни с чем не сравнимым событием.

Название Вшивая горка, а потом и просто Вшивый рынок, осталось с давних времен и теперь не имело никакого отношения к действительности. В маленьких ветхих домиках, разбросанных вокруг площади, не водилось никаких паразитов – в ответ на глупые вопросы местные жители только досадливо отмахивались. Правильное имя было – Западный рынок, но люди отчего-то никак не хотели к нему привыкнуть.

Поскольку монетка отказалась вставать на ребро, Расмус и Понтус отправились на ярмарку. Жизнь была прекрасна, спешить было некуда, впереди ещё целый день. Неся в кожаных ремешках ненавистные учебники, приятели в обнимку шагали по улице. И тут им навстречу со всей скоростью, на которую только были способны её короткие лапы, выбежала чёрная короткошёрстная такса.

– Смотри-ка, Растяпа! – сказал Понтус.

Расмус просиял. Растяпа был его собственным любимым псом. При виде его у Расмуса даже в груди защемило от радости, но вслух он строго сказал:

– Растяпа, ты же знаешь, что нельзя удирать из дому!

Пёс с виноватым видом остановился. Он молча поднял переднюю лапу и взглянул на хозяина. Расмус с нежностью произнёс:

– Вообще-то, Тяпа, из дому убежать нельзя, ну да ладно, иди сюда!

И Растяпа повиновался. Каждая шерстинка у него весело топорщилась, он месил воздух хвостом, гавкал что было сил и чувствовал себя самым счастливым псом в мире. Расмус наклонился и взял его на руки.

– Тяпа, глупый ты зверь, – сказал он и ласково погладил чёрную голову.

Понтус смотрел на них с завистью:

– Хорошо, когда у тебя есть собака.

Расмус ещё крепче прижал Растяпу к себе.

– И правда хорошо. Он ведь совсем мой. Вот только Приккен изо всех сил добивается его расположения...

Не успел он это сказать, как из-за угла появилась его любимая сестрица. И не одна, а с Юакимом фон Ренкенем, в которого она как раз в эти дни была ужасно влюблена. Несложно было заметить, что его расположения Приккен тоже добивалась изо всех сил. Расмус многозначительно ткнул Понтуса в бок:

– Глянь-ка на них! Любовь до гроба – дураки оба!

Печально, когда встречаешь на улице собственную сестру в таком нелепом виде. Приккен держала Юакима за руку, они смотрели друг другу в глаза, смеялись и, кажется, даже не замечали, что на улице есть кто-то помимо них.

– Приккен, ты самая милая девчонка в мире, – сказал Юаким во всеуслышание. – Я от тебя с ума схожу.

Расмус и Понтус расхохотались, и влюбленные наконец заметили, что они не одни.

– Понтус, ты самое милое существо на свете, – сказал Расмус и томно посмотрел на друга.

– Расмус, а я по тебе просто с ума схожу, – заверил его Понтус.

Приккен засмеялась.

– И кто только придумал младших братьев? – воскликнула она, обращаясь к Юакиму.

На самом деле Приккен ничего не имела против младшего брата, и именно такого вот озорного мальчугана с живыми глазами, которого она в глубине души обожала и которого

тискала и щипала, когда он ещё лежал в колыбели. Да и разве плохо гулять под майским солнцем с Юакимом и быть самой милой девчонкой в мире? Переполняемая чувствами, Приккен подбежала к брату и горячо обняла его:

– Хотя вообще-то он замечательный!

Замечательный брат вырывался что было сил. Вот ужас-то! Мало того что от Приккен и так проходу нет, она позорит не только себя, но и ни в чём не повинных людей, которым по стечению обстоятельств досталась в сёстры!

– Пусти меня! – вопил Расмус звонким от возмущения голосом. – Хоть на улице води себя прилично!

Приккен нервно засмеялась, потом ухватила Юакима за руку и напроочь позабыла, что у неё есть младший брат.

– Ёлки-палки, просто всякий разум потеряли! – вздохнул Понтус, глядя вслед Приккен и Юакиму. – Неужели и с нами такое может случиться?

Расмус на это только фыркнул:

– Такое? Да никогда в жизни, будь спокоен!

Растяпа прыгал вокруг них и лаял без умолку. Разве справедливо, что все обнимаются, а маленький пёсик, отважно убежавший из дому, чтобы встретить хозяина, стоит в сторонке? Уж кого тут надо приласкать, так это его! Расмус был с ним согласен. Он придвинул Растяпу к себе, погладил и сказал:

– Растяпа, ты лучший пёс в мире!

Тут Понтус засмеялся:

– Води себя прилично хотя бы на улице! Разве не ты только что это говорил?

– Пф-ф, – отозвался Расмус. – Собака – совсем другое дело!

Тут он вдруг замолчал и прислушался. Издалека послышался зовущий звук трубы. Он доносился с площади, но всё приближался, приближался, и наконец на улице показался медленно едущий грузовик. В открытом кузове сидели шестеро мальчишек из народной школы и трубили что было сил. Латунные трубы блестели на солнце, наполняя воздух звуками марша «Наполеон шагает через Альпы». И все мальчишки Вестанвика весело шагали за грузовиком в такт песне и по складам читали надпись на табличке, прибитой к борту машины:

– Ух ты, – сказал Расмус, тоже прочитав плакат.

Понтус согласно закивал:

– Только всё это стоит кучу денег. У тебя они есть?

Расмус подбросил в воздух пятиэровую монетку и снова поймал её.

– А то! Целых пять эре! Скупим весь парк, – с горечью ответил он.

Но Понтус не унывал.

– Продадим металлолом, и всё устроится.

Расмус кивнул. Как печальна была бы жизнь школьников, если бы они жили на те жалкие пятьдесят эре, которые получали раз в неделю на карманные расходы! Так что приходилось крутиться. Расмус и Понтус это давно поняли, и более усердных сборщиков старья было не сыскать во всём Вестанвике. Они всё время собирали пустые бутылки и старые ржавые железяки. Нюх на утиль у них был, как у свиней на трюфели, а свою добычу они гордо притаскивали на Вшивую горку. Семья Понтуса испокон веков жила в большом неказистом многоквартирном доме в окрестностях рынка. Именно в подвале этого дома и находился их собственный склад, о чём свидетельствовала аккуратная вывеска на двери: «ОАО “Объединённый утиль”», владельцы Понтус Магнуссон и Расмус Персон».

Идти на ярмарку с пятью эре в кармане – это только расстраиваться. Нужны были деньги. Расмус с Понтусом отправились к рынку – посмотреть, что там вообще творится, и оценить, какая часть фондов «Объединённого утиля» им потребуется. И теперь они стояли за воротами и жадно разглядывали карусели и тир. Вот где можно потратить деньги с толком!

– На качели и карусели пойдём обязательно!

– И шпагоглотателя надо посмотреть, – добавил Расмус. – Интересно, как он ухитрится засунуть шпагу за щеку?

Растяпа бешено лаял. За свою собачью жизнь он никогда ещё не видел каруселей и вряд ли представлял, что такие нелепые крутящиеся приспособления вообще существуют. К тому же от них пахло чужим и непонятным, и надо было гавкать погромче, чтобы все поняли, что этот запах совершенно никуда не годится!

– Нет уж, Растяпа, на карусели мы тебя не возьмём, – сказал Расмус и повернулся к Понтусу: – Во-первых, отводим его домой. Во-вторых, обедаем.

– В-третьих, идём к Хламу-Юсси и сдаём барахло, – подхватил Понтус. – В-четвертых, делаем уроки.

– В-четвертых, посылаем уроки к черту и, в-пятых, бегом сюда, ёлки-палки, и чем скорее, тем лучше!

Так и порешили.

Глава вторая

Попасть на аттракционы оказалось не так просто, как думал Расмус. Ускользнуть от мамы было делом нелёгким – она придавала домашним заданиям гораздо больше значения, чем он сам. Но голод пригнал его домой, и теперь Расмус сидел со всей семьей за кухонным столом перед тарелкой с тушёной картошкой и жареной колбасой.

– Никаких аттракционов, пока не сделаешь уроки, – как и следовало ожидать, заявила мама.

У мамы были свои странности: с виду милая и мягкая, в душе она была, как говорил папа, настоящий военачальник. Он считал, что лучше мамы никого в мире нет.

– Как мама скажет, так и будет, это самое верное. Мама обо всём печётся – и обо мне, и о детях, и о собаке, и о доме, да ещё и о саде... Сам-то я только выпалываю сорняки, да поливаю, да подстригаю кусты и лужайку.

Иногда папа пел маме:

– Наша мама лучшая, мама несравненная...

А мама всегда говорила:

– Патрик, ты же знаешь, что это не так.

Но папа отвечал:

– Как бы там ни было, главное, что ты такая, какая есть.

Расмус тоже любил маму такой, какая она есть, но считал, что временами она могла бы быть и поуступчивей.

– Никаких аттракционов, пока не будут готовы уроки, – заявила мама, как только все сели за стол.

– Пф-ф, – фыркнул Расмус. – Нам ничего и не задали...

Его перебила Приккен. Она оценивающе посмотрела на полную до краёв тарелку брата и почти опустевшую миску с картошкой.

– Очень мило с твоей стороны, что ты не выложил себе в тарелку всё подчистую, хоть что-то мне оставил, – язвительно заметила она.

– Ах, прости, я не подумал, – рассеянно ответил Расмус. – Мам, ну мо-ожно я пойду?

– В кастрюле на плите есть добавка, – сказала мама. – И ни слова об аттракционах, пока не приготовишь уроки.

Расмус снова фыркнул:

– Говорю же, нам ничего не задали! И вообще... я уже всё это знаю! – Прожевав картошку, он добавил: – К тому же я могу сделать их утром!

– Очень интересно, – сказала мама. – То у тебя совсем нет уроков, то ты уже всё знаешь, то ты делаешь их утром. Хорошо нынче школьникам!

Тут в разговор вступил папа:

– Скажу тебе, сынок, что когда я был таким, как ты, я думать не смел о всяких там развлечениях, пока не выучу все истории с географиями так, чтоб от зубов отскакивало.

Расмус вздохнул.

– Стоит мне только заговорить об аттракционах, как вас сразу же тянет на старину, вы б ещё вспомнили, что было при Карле Двенадцатом, – сердито заключил он. – Почему взрослые думают, что у детей не должно быть совсем никаких развлечений?

– Ну, ну, спокойнее, – сказал папа и сменил тему. – А знаешь, Расмус, я ведь так хвалил тебя сегодня утром!

– Хвалил? Кому? – Расмус забеспокоился. Он-то знал, как звучат папины похвалы и слишком хорошо помнил, что папа говорил старшему комиссару как-то раз, когда Расмус заглянул в участок: «Даже не знаю, откуда у меня взялись такие красивые и умные детки,

верно, оба в Гуллан пошли. И уж я не я буду, если они не получают хорошее воспитание: не просто истории с географиями, а достойное образование, со всякими там «шпрехен зи дойч» и всем, что положено».

А теперь папа с довольной улыбкой заявлял, будто снова кому-то хвалил Расмуса.

– Как это кому? Старшему комиссару, конечно! «Мой Расмус будет первым учеником в классе, не то я съем собственные сапоги!»

– Ха, – сказала Приккен. – Первым с конца!

И Расмус, и папа посмотрели на неё неодобрительно.

– Помолчала бы, – сказал Расмус.

– Патриция, – добавил папа, – подумай, что ты говоришь о моём сыне! О моём сыне, который готов пойти и серьёзно взяться за уроки, как только проглотит последний кусок колбасы!

– Пф-ф, – фыркнул Расмус.

– Да-да, именно так, – согласилась мама.

Наступила тишина, только в саду вовсю распевал чёрный дрозд. В открытое окно врывался запах сирени, перебивая аромат жареной колбасы. Может, поэтому на Приккен нашло лирическое настроение.

– Я тоже пойду на аттракционы, – протянула она. – С Юакимом.

– Юаким да Юаким, – буркнул Расмус. – Она от него совсем голову потеряла.

Тут папа легонько дёрнул Приккен за светлый хвостик:

– Ты что же, влюбилась в Юакима?

Приккен энергично закивала:

– Ага. В него вся школа влюблена!

Расмус скорчил рожу.

– Только не я, – заявил он. – А кстати, как твои уроки? Никаких аттракционов, пока они не будут готовы, ты же слышала.

Приккен засмеялась:

– Да уж не беспокойся! – Потом она повернулась к маме: – Мам, мы после аттракционов пойдём к Юакиму репетировать, так что не волнуйся, если я задержусь.

– Что это вы будете репетировать? – заинтересовался Расмус.

– Наш «Синг-Сонг» по воскресеньям готовится к выступлению на весеннем празднике.

Ансамблем «Синг-Сонг» назывался школьный оркестр, в котором Приккен играла на гитаре.

Расмус опять уткнулся в тарелку с картошкой.

– А я думал, вы всё время повторяете: «Ты такая милая, Приккен, я по тебе с ума схожу!»

– Ха, – снова сказала Приккен.

– Это что, Юаким так говорит? – удивилась мама.

– Да, он так говорит, – гордо подтвердила Приккен. – В него все девчонки в школе влюблены, а он выбрал меня.

– Это минут на пятнадцать, не больше, – заверил Расмус.

Приккен с мечтательным видом проговорила:

– А когда я выйду замуж за Юакима, все будут звать меня не Приккен, а Патрицией.

Патриция фон Ренкен – правда, красиво звучит?

– Да уж куда там! – усмехнулся Расмус. – Опля!

Мама покачала головой:

– Что за глупости, Приккен.

Расмус взял миску, стоящую на столе рядом с Приккен:

– Будущая баронесса фон Ренкен хочет колбасы, или я доем?

До этого момента Растяпа лежал под столом у ног Расмуса, но тут вскочил и начал громко лаять, чтобы все поняли, кому на самом деле должен достаться последний кусочек колбасы. Расмус взглянул на пса:

– Ладно уж, Растяпа, забирай! Mam, я отдам Растяпе?

– Отдай, – разрешила мама. – Хотя ты же знаешь, что вообще-то не стоит кормить собаку со стола.

Расмус отдал кусочек Растяпе.

– И правда не стоит. Ну да ладно!

Потом принесли сладкое, и Расмус, когда до него дошла очередь, положил себе изрядную порцию. Поллюбовался на молочные реки и берега из красного ревенного киселя, потом провёл ложкой бороздку в киселе и стал играть, как будто это Суэцкий канал. Он увлечённо занимался этим до тех самых пор, пока Приккен не сказала:

– А знаете, что у Юакима есть?

Да что ж такое, опять Юаким! У Приккен все мысли об одном.

– У него есть формуляр, – сказала Приккен и хихикнула. – «Формуляр ненужных вещей».

Ненужные вещи – это для мамы, подумал Расмус. Она вечно ходит на всякие распродажи. Мама и впрямь заинтересовалась:

– Каких это вещей?

– Это он про девчонок, – объяснила Приккен. – Туда он заносит девчонок, которые ему надоели. И приклеивает фотографии, которые они ему подарили.

– Хорошенькое дельце, – сказала мама. – А сколько времени пройдёт, пока ты не попадешь в этот формуляр?

Папа пришёл в ярость:

– Негодник! Уши бы ему оторвать!

– Я – никогда не попаду! – Приккен гордо потрянула головой.

Мама слегка улыбнулась:

– Откуда ты знаешь?

– Знаю. – Глаза у Приккен блестели. – Я точно знаю. Юаким раньше никого не любил по-настоящему. Я – совсем другое дело. Он сам так сказал.

– Он сказал, – как эхо повторил Расмус с безграничным сомнением в голосе.

– Да нет, это правда, – воскликнула Приккен с неожиданной горячностью. – Я же умру, если попаду в этот список!

Папа похлопал её по плечу:

– Ну, ну, спокойствие.

– Кстати, о спокойствии, – добавила мама, помешивая кисель. – У тебя, Патрик, как прошёл день? Было что-нибудь необычное?

– У госпожи Эноксон улетела канарейка... если, конечно, в этом есть что-то необычное, – ответил папа.

– Вы что же, ловите только пьяных и канареек? – со смехом спросила мама.

– Выходит, что так, – простодушно ответил папа. – Я так и сказал накануне старшему комиссару: «Канарейки и пьяницы. В точности Скотленд-Ярд».

Все оценили шутку, и папа продолжил, вдохновлённый успехом:

– А сегодня, сдавая смену старшему комиссару, я сказал: «Если к нам залетит какая-нибудь канарейка, попросите её присесть и подождать». Так и сказал!

Все снова засмеялись, но Расмус вдруг серьёзно спросил:

– Папа, а если у вас появится настоящий разбойник? Что тогда? Что, если вы все упадёте в обморок с непривычки?

Но папу это совершенно не испугало. Он выпятил грудь:

– Если появится разбойник, поймем его и посадим куда следует.

Расмус посмотрел на отца с восхищением.

– Вот было бы здорово, – вздохнул он. – Было бы чем похвастаться перед Стигом. А то он вечно хвалится, что у него отец боксёр. Спасибо за обед, мама и папа.

После обеда Расмус пошёл в свою комнату и отчаянно взялся за домашнее задание. Это, конечно, было совершенно пустой тратой времени, но что делать, если мама тверда, как камень? Кое-как осилив биологию и немецкий, он вернулся в кухню. Мама и Приккен как раз домыли посуду, а папа читал газету.

Расмус решил, что полезно будет сразу продемонстрировать приобретённые знания:

– А знаете, сколько желудков у коровы? Четыре! Рубец, книжка, сетка и сычуг, вы это знали?

– Знали, знали, – успокоила его Приккен.

– Ну, как они называются, вы точно не знали! – Расмус выждал мгновение и продолжил: – А как вы думаете, сами коровы знают, как у них называются желудки?

Папа выглянул из-за газеты и усмехнулся:

– Не думаю.

– Ну надо же, – сказал Расмус. – Они не знают, а мы знаем!

Это была интересная идея. Чтобы узнать о коровах то, о чём они сами понятия не имеют, стоило даже опоздать на аттракционы.

– Нет, вы только представьте, когда у коровы болит желудок, она даже не подозревает, который из четырёх желудков у неё болит!

Приккен заулыбалась так, что на щеках появились ямочки:

– А то представляешь, просыпается одна корова утром и говорит другой: «Ох, как же у меня болит сычуг!»

Расмус засмеялся:

– Ага, а вот теперь ещё и рубец прихватило!

Тут в дверь постучали:

– Ох, это, наверное, Юаким! – всполошилась Приккен и принялась снимать передник.

Но это был не Юаким, а всего лишь Понтус, весёлый и краснощёкий, как всегда.
– Я не мог прийти раньше, – важно сообщил он. – Мама хотела, чтобы я сделал уроки.
Расмус взглянул на маму, которая как раз накрывала на стол к кофе:
– Надо же, мамы разные, а желания одни и те же!
– Да уж, – сказала мама и взлохматила и без того торчащие каштановые волосы Расмуса. – Но теперь можешь идти!

Расмус горячо обнял её, не стесняясь Понтуса. Он ужасно любил свою твёрдокаменную маму, к тому же и с биологией, и с немецким было покончено, и это было замечательно. А ещё лучше было то, что можно уже идти на аттракционы!

– Наша мама лучшая, мама несравненная, – пропел он.

Папа простодушно кивнул:

– Вот и я так говорю.

Понтус сунул руку в карман.

– Я уже продал хлам, – сказал он.

– И много получилось?

– Три кроны! Отлично! Живём пока! А хлама у нас ещё полным-полно.

Расмус уже бежал к двери:

– Опля, вытряхиваемся!

Но тут и Растяпа подал голос. Он с лаем запрыгал вокруг Расмуса... может, хотел, чтобы его тоже взяли с собой?

Расмус наклонился и погладил его:

– Нет, Растяпа. Ну что тебе делать на каруселях?

И Расмус с Понтусом уже были за дверью, в три прыжка прогрохотав по чёрной лестнице.

– Ну вот и ушли, – сказала мама.

– А я думала, это ушло стадо слонов, – заметила Приккен.

Глава третья

Парк аттракционов на Вшивой горке был точно сказка. Именно так – мальчишки стояли под светящейся аркой у входа, а за воротами сверкал и переливался настоящий рай. Вся площадь блестела, по старым кустам сирени были развешаны красные и жёлтые фонарики, и свет от них растворялся в тени кустов, и всё вокруг становилось волшебным, необычным и праздничным.

Кружились карусели, и свет их лампочек переплетался в фантастическом танце. На всех ларьках горели таинственные красные огоньки и манили к себе так, что удержаться было невозможно. За прилавками стояли прекрасные загадочные женщины, приглашая попытать счастья в лотерее. Кругом было столько всего! Можно было пострелять из лука или из ружья по мишеням, или прицелиться в нарисованные на шариках разноцветные физиономии. Повсюду шумел и галдел народ, и это тоже было здорово. Все толкались, смеялись, покупали лотерейные билеты, и этот гам всё время стоял в ушах, а с каруселей неслась весёлая музыка, обещавшая неслыханные удовольствия. Майский воздух был полон звуков, света, смеха и запахов, которые заставляли ликовать и стремиться к приключениям.

В стороне от сияющего весельем Вшивого рынка тихо стояли в весенних сумерках скромные, опустевшие домики. Только старики, уже забывшие, как прекрасны парки с аттракционами, сидели на крылечках, слушали доносившуюся с рынка музыку, пили кофе и вдыхали аромат сирени. И были по-своему счастливы несмотря на то, что не попали на карусели и не увидели шпагоглотателя Альфредо.

Но Расмусу и Понтусу было по одиннадцать лет, и они хотели получить от жизни всё возможное, поэтому сновали как белки в праздничной толпе, решив во что бы то ни стало потратить с толком свои три кроны. Впрочем, большую часть они уже потратили. Три кроны быстро кончаются, если сначала покататься на карусели, а потом пару раз попытать счастья. Но главное событие вечера – шпагоглотатель Альфредо – было ещё впереди.

– Не толпиться! Не толпиться! Все успеют! Новое представление начнётся через несколько минут!

У шатра шпагоглотателя стояла толстая тетенька в красном шёлковом платье и кричала во всё горло:

– Не толкайтесь! – хотя толкаться было особенно некому. Но тут на маленькой арене показался сам Альфредо, и народ сразу начал собираться вокруг шатра. Все вытягивали шеи и тарасились на шпагоглотателя, который, как только что рассказала толстая тётенька, покориł своими выступлениями все европейские столицы.

Шпагоглотатель был крепкий мужчина. Он стоял расставив ноги и выпятив грудь, и, казалось, за всю жизнь не ел ничего менее железосодержащего, чем шпаги. Чёрные усы и буйная кудрявая шевелюра придавали ему иноземный и загадочный вид. Раскрасневшуюся физиономию он поворачивал к публике так дружелюбно и благодушно, словно сам не понимал, как это после всех европейских столиц его вдруг занесло представлять свою выдающуюся глотку сюда, в Вестанвик.

– Интересно, а если шпага попадёт ему не в то горло? – сказал Расмус. – Посмотреть бы, как он тогда выкрутится.

И как раз тут Понтус с изумлением обнаружил, что во всей кассе у них осталось всего пятьдесят эре, то есть ровно половина тех денег, которые нужны, чтобы попасть на представление Альфредо.

Понтус повертел пятидесятиэровик на ладони, посмотрел на него недоумённо и почесал в затылке:

- Ну надо же... У нас ведь только что была целая крона!
- У нас только что было три кроны, – философски заметил Расмус. – Но тут и глазом не успеешь моргнуть, как потратишь всё подчистую.
- И как мы теперь попадём на Альфредо? – с беспокойством спросил Понтус.

- Расмус подумал, потом подмигнул Понтусу и хитро предложил:
- А может, я пойду на представление, а потом в точности изображу тебе, что он делал? Но Понтусу такое предложение не очень понравилось:
 - Пойдём поговорим с ним. Вдруг он окажется хороший и пустит нас обоих за пятьдесят эре?
 - Пошли попробуем, – согласился Расмус.
- Они пробрались к арене, где стоял Альфредо.
- Господин Альфредо... – начал Расмус.
- Но полная женщина все кричала, так что Альфредо ничего не слышал. Тогда Понтус набрался смелости, почтительно поманил Альфредо пальцем, наклонил голову и игриво сказал:
- Дядя, а можно мы пройдем за полцены? Мы обещаем тогда смотреть представление только одним глазом!

Понтус вычитал это в какой-то книжке, и ему казалось, что фраза как нельзя лучше подходит для этого случая. За свои одиннадцать лет он успел заметить, что такие глупые шутки пользуются у взрослых большим успехом. Но у Альфредо, похоже, чувства юмора не было. Он посмотрел на Понтуса свысока и ничего не ответил.

– Может, он не понимает по-шведски, – шепнул Расмус.

Но шпагоглотатель проворчал:

– Дядя замечательно понимать по-шведски. И понимать, что вы есть тфа негодяй.

Понтусу стало стыдно. Он обычно верил всему, что говорят, и, если ему говорили, что он негодяй, его тут же начинала мучить совесть. Но у Расмуса вера в себя была безгранична, и он совершенно не чувствовал себя негодяем, даже если его именовали таковым дважды в день – сначала учитель математики, а теперь вот шпагоглотатель. Хотя шпагоглотатель ужасно говорил по-шведски, смысл сказанного не оставлял сомнений, и Расмус был с ним совершенно не согласен.

– Дас ист неправда, мы вовсе не негодяи, – решительно ответил он.

– Йа-йа, – сказал шпагоглотатель и энергично закивал: – Тфа маленький негодяй, который хотеть попасть на представление за половина цена.

– Не обязательно быть негодяем, если у тебя нет денег, – сказал Расмус. – У нас всего пятьдесят эре.

Альфредо снова закивал:

– Тфа маленький негодяй без денег, йа-йа!

В тоне Альфредо, кажется, прозвучало сочувствие по поводу их бедности, и это растрогало Расмуса:

– А что, трудно научиться глотать шпаги? – заискивающе спросил он. – Вы долго учились?

Альфредо несколько секунд молча смотрел на него, потом усы его начали подрагивать, и он разразился дробным смехом:

– Та-а, надо начинать учиться, когда есть ещё маленький, и надо начинать с булавка, это есть так. А ты как думать?

Видимо, свои шутки Альфредо понимал лучше, чем чужие, потому что смеялся он долго. Понтус с Расмусом тоже с готовностью посмеялись. Они были готовы хохотать сколько угодно, чтобы задобрить Альфредо. Им было не привыкать: в школе частенько приходилось смеяться над учительскими шутками, потерявшими новизну всего каких-нибудь сто лет назад.

Но Альфредо прекратил смеяться так же неожиданно, как начал, и Расмус забеспокоился.

– Подумать только, – снова начал он, – дядя – всемирно известный шпагоглотатель. Всемирно – это, наверное, очень сильно известный?

Альфредо снова посмотрел на Расмуса, точно о чём-то размышляя, и опять захохотал:

– Та-а, дядя есть всемирно известный по всей Швеции, это есть так.

Но тут ему вдруг наскучила вся эта болтовня:

– А теперь вон отсюда, тфа маленький негодяй, – зло сказал он. – У меня не есть время болтать с маленький негодяй, вон, вон!

Расмус и Понтус повесив головы пошли прочь.

– Сам он негодяй, только большой, – сердито сказал Расмус и посмотрел вслед Альфредо, который уже скрылся в шатре.

– Представление начинается через минуту, – выкрикнула напоследок тётенька в красном, и дверь шатра за ней закрылась.

Расмус и Понтус остались снаружи, ужасно сконфуженные.

Расмус огляделся по сторонам:

- Где-то здесь были Приккен с Юакимом. Пойдём, это наша последняя надежда!
– Думаешь, она одолжит? – засомневался Понтус.

Расмус припустил к тире – там он в последний раз видел сестру:

– Одолжит, если только сама всё не потратила.

У тира Приккен не было. Придётся искать, а представление начинается через минуту, надо спешить, спешить! В поте лица они проталкивались через толпу, увидев вдалеке светлый «конский хвостик», начинали дрожать от радости, однако это всякий раз оказывался чужой хвост, не имевший к Приккен никакого отношения. Но наконец они её нашли. Приккен уже стояла у ворот с Юакимом и остальными ребятами из ансамбля, готовая идти к фон Ренкенам репетировать.

Расмус бросился к сестре.

– Приккен, одолжи мне пятьдесят эре! – выдохнул он и топнул ногой от нетерпения.

Приккен сунула руку в карман, и Расмус вздохнул с облегчением. Ну, доставай скорей! Приккен положила то, что вынула из кармана, в протянутую ладонь Расмуса – это была маленькая игрушечная мышь с колёсиками по бокам!

– Прости, я потратила все до последнего эре. Зато смотри, что я для тебя выиграла.

– Играй на здоровье, – добавил Юаким.

И они ушли, а Расмус так и остался стоять с мышью в руке, злобно поглядывая то на игрушку, то сестре вслед.

Понтус засмеялся:

– Ну, шпагоглотателя не посмотрим, так хоть с мышью поиграем.

Но тут в Расмуса словно бес вселился:

– Нет уж, мы на него посмотрим! Я увижу Альфредо, даже если для этого придётся прорваться через баррикады! Идём!

Понтус последовал за ним. Он знал Расмуса и его фантастическое упрямство. Это упрямство было всей школе известно: «Ох, Расмус, если б ты не был таким упрямым и вспыльчивым, ты бы, пожалуй, был моим любимым учеником, – говаривал господин Фрёберг. – Ну почему бы тебе не стать таким же спокойным, как братец Понтус?»

Понтус понятия не имел, почему господин Фрёберг упрямо именуется его братцем Понтусом. Он приходился Расмусу братом не больше, чем самому господину Фрёбергу. Но раз уж на уроках господина Фрёберга ему выпало быть братцем Понтусом, он относился к этому философски.

Расмус почти бежал к шатру Альфредо. Он отчаянно расталкивал встречных гуляющих, а Понтус поспешал за ним.

У шатра Альфредо народу уже не было, зато изнутри слышались аплодисменты. Представление было в полном разгаре. Это переполнило чашу терпения Расмуса. Он решил попасть внутрь во что бы то ни стало. Он обежал вокруг шатра – на задворках он выходил к жилым вагончикам, но сейчас там никого не было. Все, видимо, ушли на ярмарку по делам.

– Сюда, – прошептал Расмус.

Он упал животом на утоптанную лужайку за палаткой и медленно, но верно пополз под шатёр. Понтус смеялся – немного от волнения, а ещё оттого, что Расмус ужасно смешно дрыгал ногами извивался, стараясь уменьшиться и пролезть под натянутой тканью. К тому же за шатром Альфредо собрались, очевидно, все комары Вшивого рынка. Понтус стоял в комарином облаке и смеялся, изо всех сил сгоняя кровопийц с голых ног Расмуса. Но когда пришла его очередь лезть туда, где только что исчезли Расмусовы перепачканные землёй кеды, ему уже никто не мог помочь, и комары едва не съели его заживо. Однако он мужественно переносил укусы и готов был ползти за Расмусом до последнего. И вот они оказались в шатре.

Они лежали у стенки шатра, настороженные, как дикие зверьки, прислушиваясь и готовясь сбежать при первом признаке опасности. Было страшно, но не очень. Вообще-то здорово было вот так лежать на животе и немножко бояться и чувствовать запахи травы, земли, некрашеной сосновой скамейки – когда пролезаешь на представление без билета, это самые подходящие запахи.

Решившись наконец поднять глаза, Расмус и Понтус увидели много-много ног. Вообще-то интересно было узнать, как у людей выглядят ноги, если смотреть на них из-под скамейки, но не ботинки же разглядывать они сюда пришли! Им хотелось посмотреть на Альфредо.

– Давай-ка улучшим себе обзор, – шепнул Расмус.

Они проползли вдоль стены шатра так, чтобы через просвет в скамейках была видна сцена, и наконец увидели Альфредо.

Он стоял на арене, а полная женщина преданно взирала на него и как раз протягивала ему шпагу. Альфредо поклонился публике, потом посильнее запрокинул голову, взял предложенную шпагу прямо ртом и начал медленно заталкивать её в горло. Это было страшное и захватывающее зрелище. Расмус и Понтус смотрели на Альфредо, как на волшебника. Неужели он засунет всю шпагу целиком? Похоже на то. Эфес шпаги всё приближался ко рту Альфредо, а лезвия уже почти не было видно. Тут Альфредо вытащил шпагу обратно, отдал её полной тётенке и ещё раз поклонился публике, так что чёрные кудри его упали на лоб. Зрители громко захлопали. Даже Расмус выразил своё восхищение, постучав кулаком по деревянному полу. Понтус тихо захихикал. И тут Расмус осмелел до неприличия. Было так здорово лежать на полу шатра, пробравшись внутрь без билета, и смотреть на шпагоглотателя... Для полного счастья оставалось только рассмешить Понтуса. Расмус часто проделывал такое в школе, когда уроки казались совсем уж бесконечными. Понтусу много не надо было, стоило показать ему палец, как он начинал хохотать без удержу, а под конец и вовсе переходил на всхлипы, так что учителя с беспокойством качали головой.

И сейчас хихиканье Понтуса, лежащего на животе в шатре Альфредо, вдохновило Расмуса на очередную шалость. Альфредо как раз приготовился глотать новую шпагу, а Расмус принялся передразнивать его. Он открыл рот пошире и сделал вид, будто засовы-

вает шпагу в горло, на что Понтус разразился безудержным смехом, как Расмус и ожидал. Расмус расхрабрился. Он вспомнил про игрушечную мышь в кармане. Раз уж Понтус стал смеяться, от этого он просто лопнет!

Расмус достал мышь и с тихим скрипом повернул ключ. Услышав этот звук, Понтус аж задохнулся от смеха. А Расмус всё подливал масла в огонь: поставил мышь на пол и сделал вид, что сейчас отпустит её. Понтус запищал. Нет, Расмус вовсе не собирался пускать мышь, не такой он был дурак. Но вдруг – он сам не понял, как это случилось, – она вырвалась из рук! И с громким жужжанием покатилась прямо к арене с Альфредо, а врезавшись в неё, завертелась на месте как сумасшедшая! Пока мышь ехала, Понтус стонал от смеха, но тут он замолчал, судорожно глотая воздух. Зато Альфредо рывкнул на весь зал:

– Тфа негодяй! Тфа гадкий негодник!

«Негодяи» не стали дожидаться продолжения и рванулись к дверям, точно за ними гналась шайка разбойников.

– Я не виноват, – выдохнул Расмус, когда они оказались в безопасности. – Честное слово, она сама вырвалась.

Понтус ответил новым взрывом смеха:

– Ой, я сейчас умру! Хватит!

Отсмеявшись, он глянул на Расмуса:

– А теперь что будем делать?

– Сейчас придумаем, – ответил тот.

Вообще-то им следовало пойти домой. Было уже поздно, начинало темнеть, да и деньги закончились. Но они всё не решались уйти – а вдруг ещё не увидели чего-то интересного, за что и платить не надо? Это был их единственный поход на аттракционы, так что стоило остаться здесь подольше. Если выйдешь за ворота, обратно уже не попадёшь. Нет, никак нельзя вот так просто уйти и пойти спать, пока не посмотришь всё, что только можно.

– Можем слазить в вагончики, – предложил Расмус. – Интересно посмотреть, как они там живут.

Понтус согласился.

– Только есть хочется, – добавил он. – Мы ведь тут уже давно.

– Купи себе жареной колбаски, – мрачно посоветовал Расмус.

Понтус кивнул.

– Ну да, или достань с неба луну да проглоти.

Оба вздохнули. Жареная колбаска сейчас пришлась бы очень кстати. Горячая, масляная колбаска с горкой горчицы...

Они стояли так близко к каруселям, что те проносились прямо над ухом, но не замечали этого, поскольку смотрели вслед тележке с колбасками, только что проехавшей мимо.

Вдруг Понтус наклонился и поднял что-то с земли.

– Купить жареной колбаски, говоришь? Пожалуй, так и сделаем. – Он скорчил рожу и показал Расмусу блестящую монетку в одну крону. Расмус тоже уставился на неё, и оба стояли так довольно долго, восторженно таращась на денежку. Как всё-таки интересно устроена жизнь!.. Только что они как сумасшедшие гонялись по всей ярмарке за Приккен, чтобы одолжить у неё пятьдесят эре – и вдруг вот так найти под ногами целую крону! Видно, здесь гуляет немало богатых иностранцев, сорящих деньгами и даже не замечающих этого. К счастью, настоящего владельца кроны в толпе уже не отыскать, даже если бы это кому-то и пришло в голову.

Глаза Понтуса засияли:

– А может, не колбаски? Сейчас найдём ещё денег, купим целый поднос бутербродов, или ещё чего-нибудь, только скажи!

Но Расмусу было вполне достаточно колбасы. За ней-то они и побежали. Торговец колбасой устроился со своей тележкой как раз напротив входа. Вокруг толпились покупатели. Расмус и Понтус встали в очередь и сразу принялись дурачиться. Беспокойная мальчишечья натура не позволяла им тихо стоять на месте, обязательно надо было толкаться, боксировать, пинать камни – но при этом они ещё успевали замечать, что творится вокруг.

– Смотри, какое пугало, – сказал вдруг Расмус.

Пугало только что вошло через вертящуюся дверь.

– А почему пугало? – спросил Понтус. – Разве плохо выглядит?

– Он явно не из нашего города, – сказал Расмус таким тоном, точно это был великий грех.

Незнакомец и впрямь не походил на жителя Вестанвика, и это было видно за версту: шляпа небрежно сдвинута на затылок, а вид такой самоуверенный, точно он уже скупил весь

парк. Он шёл, никому не уступая дороги, прямо к тележке с колбасками. Нашарив в кармане мелочь, он швырнул деньги на прилавок:

– Две без горчицы!

Он встал как раз перед мальчишками, и Расмус с Понтусом посмотрели на него очень сердито: ещё без очереди лезет, настоящее пугало и есть! У незнакомца был огромный некрасивый рот, нахальная физиономия, а глаза одновременно равнодушные и злые.

– Скотина, – буркнул Расмус.

Незнакомец жадно набил рот колбасой и, причмокивая на каждом слове, спросил у лоточника:

– Где тут шатёр шпагоглотателя по имени Альфредо?

Понтус, только что получивший две драгоценные жареные колбаски, вздрогнул. Стоило кому-нибудь упомянуть при них это имя, как опасность становилась слишком явной.

Лоточник указал на шатёр Альфредо, и незнакомец исчез, даже не сказав «спасибо». Расмус и Понтус вскоре забыли о нём, у них было куда более важное дело – колбаса! Замечательная, коричневая, ароматная колбаска с горкой горчицы! Какое наслаждение было прогуливаться по парку с колбасой в руке, останавливаться то возле стрелков в тире, то возле здорового сельского парня, стучащего молотом по силомеру, прислушиваться к визгу девчонок на качелях... а потом вдруг вспомнить, что надо же ещё посмотреть вагончики!

– Хорошо бы так жить, – сказал Расмус с завистью.

Вагончики уютно устроились в кустах сирени, в маленьких окнах горел свет, и очень хотелось заглянуть внутрь. Расмус вдруг подумал о том, как глупо всё время сидеть на одном месте вместо того, чтобы путешествовать в таком вот передвижном доме по всему свету!

– Ага, а в Вестанвик можно было бы иногда заезжать в гости, – подхватил Понтус.

– Послушать, как шумит школа, – злорадно добавил Расмус.

Они прогуливались между вагончиками, заглядывали в светящиеся окна и выбирали, в каком из них поселиться, выпади им шанс стать их счастливыми обитателями.

– Вот в этом, наверное, – сказал Расмус, указав на особенно славный зелёный вагончик, которого они сначала не заметили.

Они подошли поближе. У вагончика были маленькие окошки с красными клетчатыми занавесками, за которыми горел мягкий свет. В этом вагончике, без всяких сомнений, хотелось поселиться. Но ребята решили всё-таки ещё заглянуть внутрь, прежде чем сделать окончательный выбор. Поэтому они завернули за угол – и вдруг услышали уже знакомый голос:

– Старина Эрнст, ты есть опять на сфободе!

Альфредо! Но было поздно. Двое мужчин, сидевших на ступеньках вагончика, уже заметили их, и со светлого вечернего неба грянул гром:

– Тфа маленький негодяй! Прийти посмотреть на меня одним глазом, а?

Альфредо рванулся к ним, как разъярённый бык, и мальчишки пустились наутёк. Но громкое «Плюх!» позади заставило их оглянуться, и Понтус издал беспомощный, испуганный смешок. Альфредо шлёпнулся животом в лохань для стирки, которую какая-то добрая душа оставила у него на пути. Теперь шпагоглотатель стоял на четвереньках и бешено вращал глазами.

Впрочем, смеялся не только Понтус – Эрнст тоже хохотал во всё горло:

– Славно искупался, а?

Тут кто-то позвал из вагончика:

– Альфредо, иди ужинать!

– Иди ко всем чертям, дядя! – крикнул Расмус на бегу. – Пойди слопай пару шпаг, может, от них тебе получшеет!

– А видел, кто сидел с ним на ступеньках? – спросил Понтус, когда они отбежали на безопасное расстояние. – Наше пугало!

Расмус сердито кивнул:

– Кто бы сомневался! Два сапога – пара. Оба одинаковые скоты.

– Если Альфредо встретит нас ещё раз, точно убьёт, – заметил Понтус.

– Что правда, то правда, надо держаться от него подальше.

Понтус вдруг зевнул, и Расмус посмотрел на часы.

– Смотри-ка, а времени уже пол-одиннадцатого, – удивился он. – А только что было девять.

Вообще-то ему надо было вернуться к десяти, так что мама наверняка уже сердилась. Он несколько раз пытался ей объяснить, что иногда часы у него отстают на час и даже больше, но мама говорила, что всё это выдумки.

– Разрази меня гром, пора бежать! – воскликнул Расмус и бросился к воротам.

Братец Понтус поспешил следом.

Расмус лежал в постели, рядом пристроился Растяпа. Когда приходишь домой озябший, нет ничего лучше такой вот маленькой тёплой собачки. Мама, правда, считала, что класть собаку в постель негигиенично, но Расмус отвечал, что это всё выдумки. И Растяпа был с ним согласен.

– Тяпа, – шепнул Расмус, – ты лучший пёс в мире.

Мама, конечно, сердилась, что Расмус пришёл так поздно, но он спокойно перенёс заслуженную взбучку, и теперь уже всё было позади, и можно было лечь спать.

– А какой сегодня был день, Тяпа?

Растяпа радостно поскулил в ответ и ещё крепче уткнулся мордой в подмышку Расмуса.

– Ах да, среда, – вспомнил Расмус.

Но какая среда! Подумать только, как много всего может уместиться в один день! Так бывает только во время ярмарки, но завтра наступит другой день, уже без неё... Ёлки-палки, вот скука!

– Рубец, книжка, сетка и сычуг, – шепнул Расмус на ухо Растяпе.

И уснул.

Глава четвёртая

Расмус выпрашивал у родителей Растяпу целых полгода и обещал, что никому из домашних не придётся заботиться о собаке – он сам будет за ней ухаживать.

Папа сначала не очень верил:

– И сам будешь гулять с ней по утрам? Даже не думай выпускать собаку в сад – она начнёт гавкать, разбудит соседей, испортит все клумбы, а потом убежит и подерётся с другими собаками.

– Я буду гулять с ней каждое-прекаждое утро, – уверял Расмус, – это же так интересно!

– Думаешь? – спросила мама. – Это зимой в двадцать градусов мороза и в семь часов утра?

– И в ветер скоростью тридцать метров в секунду? – подхватила Приккен. – Наш Расмус пойдёт выгуливать собаку?

– Именно так он и сделает, – твёрдо ответил Расмус.

И ему подарили Растяпу. Но лёжа по утрам в тёплой постели и глядя на Растяпу, стоящего у двери с молчаливым упреком в глазах: «Ну что, мы совсем никогда не пойдём гулять?», Расмус порой от души желал, чтобы собаки были устроены чуточку по-другому. Так, самую капельку: чтобы им хотелось на улицу только в хорошую погоду, и уж никак не раньше двенадцати дня. Но Растяпа, как ни странно, хотел гулять в семь утра и в сильный ветер, и в проливной дождь. А согласно устройству мамы, Расмус должен был держать слово. Правда, иногда случалось, что с Растяпой гулял папа, когда вставал в утреннюю смену или, наоборот, возвращался с ночной, но чаще всего Расмус делал это сам, и на совесть. У кровати его всегда стоял будильник, каждое утро ровно в семь помогавший Растяпе поднять хозяина на ноги.

В четверг утром Расмусу очень хотелось спать, но когда прозвенел будильник, он выполз из кровати и, пошатываясь, с полузакрытыми глазами побрёл в ванную. Он сунул голову под кран, чтобы скорее проснуться. Потом украсил зубную щётку длинной изящной змейкой зубной пасты, поставил её под струю воды так, что паста смылась почти начисто, засунул щётку в рот, пару раз яростно провёл ею по зубам, и на этом утреннее умывание закончилось. Расмус вышел из ванной. Мокрое полотенце осталось на краю раковины, из незакрытого тюбика на полочку под зеркалом натекло белое пятно, вся ванная была мокрой – за исключением мыла. Зато теперь уж у мамы не будет никаких сомнений, кто мылся последним.

– Ну как это ты не понимаешь, что по утрам людям хочется поваляться в постели? – сказал он Растяпе, выбегая через чёрный ход на улицу.

Растяпа, очевидно, совершенно этого не понимал – он в таком восторге набросился на клумбу с фиалками, что земля полетела из-под лап во все стороны.

– Эй, Растяпа, нельзя! Пойдём-ка лучше посмотрим, не гуляет ли Тесса.

Это был чистой воды манёвр только для того, чтобы Растяпа позволил надеть на себя ошейник. Тесса была короткошёрстная такса, к которой Растяпа питал симпатию и которая действительно выходила на прогулку как раз в это время. Растяпа очень любил эти утренние свидания. А вот Расмус – нет. С Тессой обычно гуляла ужасная белобрысая девчонка по имени Марианн. Мало того что она была девчонкой, что уже само по себе недостаток, так она была ещё и болтливой девчонкой! А этого Расмус не выносил. Абсолютно. Когда из-за собак им приходилось встречаться, и Марианн начинала болтать, Расмус точно терял дар речи. Он отвечал односложно и равнодушно, а взгляд устремлял вдаль, только чтобы не видеть Марианн Дальман.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.